

УДК 1(091)

В.В. Трамбицкий

ВЕЧНОЕ И ВРЕМЕННОЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье дается краткий экскурс в историю белорусской философской культуры. Показывается, что даже там, где нет терминов «время», «вечные ценности», «временные ценности», «социальное время», мыслители использовали другой категориальный аппарат, чтобы выразить наличие вечного в постоянно ускользающей социальной реальности.

В европейской философии конца 20-го – начала 21-го веков многие мыслители категорию «социальное время» делают предметом специального анализа. В статье можно найти авторское отношение к современным дискуссиям по проблеме «социального времени».

Автор статьи считает, что понимание диалектики вечного и преходящего (особенно в социальном развитии) способствует теоретическому и практическому разрешению многих проблем: в частности, более глубокому пониманию методологического значения категории «социальное пространство – время» для социально-гуманитарных дисциплин.

Введение

Автор статьи поставил перед собой следующие задачи:

1. Из истории отечественной философии и культуры выделить исследователей, которые специально не занимались проблемой соотношения вечного и преходящего, но внесли реальный вклад в решение этой проблемы, описывая роль таких элементов в системе национальной культуры, как фольклор, религия, идеалы и других духовных ценностей, выступающих в качестве движущих сил социального развития. К таковым можно отнести Я. Белобоцкого, А.С. Майхровича, С. Полоцкого, Н.И. Крюковского.
2. Сравнить решение тех же проблем представителями постнеклассической философии, синергетики и постмодернизма.
3. Предложить авторскую аргументацию нелинейности социального прогресса, специфики «социального времени».
4. Сформулировать авторское отношение к функциональной концепции времени Т.П. Лолоева, к взглядам В.А. Поликарпова, который, отстаивая субстанциональную концепцию времени сквозь призму психологии, реляционную концепцию пространства – времени объявляет интеллектуальной иллюзией.

Философская мысль выступает в качестве духовно-теоретического знания, интегрирующего элемента национальной культуры. Даже краткий экскурс в историю философской мысли Беларуси способствует осмыслению тенденций в истории национальной культуры и позволяет проанализировать становление и развитие традиций, ценностей, идеалов, а также особенностей самого субъекта социокультурного прогресса.

Воспроизведение некоторых идей из истории духовной жизни Беларуси периода средневековья невозможно без обращения к памятникам архитектуры, иконописи, фрескам, мозаики, письменности. В тот период архитектура и монументальная живопись отражали идейно-мировоззренческое состояние субъективного мира творца социокультурного творчества. Культурологическое и философское осмысление этого процесса заключается в поисках такого материала в памятниках материальной и духовной культуры.

Формированию новых представлений о человеке и направленности общественного развития способствовал процесс утверждения христианства на Руси, который сопровождался зарождением иных (по сравнению с языческими) мировоззренческих ориентаций, другого понимания сущности бытия природного и социального, иной трак-

товки места человека в мире. Христианство опиралось на более богатую письменнокнижную традицию, способствовало распространению просвещения. Этот процесс сопровождался переводом на славянский язык книг Священного Писания, богослужебных хроник, естественнонаучных сочинений и исторических повестей. Как отмечает исследователь древнерусской литературы О.В. Творогов, «Русь стала читать нужное раньше, чем писать свое».

Процессу распространения на Руси и в Беларуси идей христианства и отражению этого явления в литературе посвятил свое исследование А.С. Майхрович [3]. Обратим внимание лишь на то, как в древних памятниках отечественной средневековой культуры характеризовался прогресс общества и человека. Прогресс в условиях развивающегося феодализма зависел от уровня грамотности, от конкретных социальных и культурно-просветительских факторов, в числе которых распространение и усвоение греко-византийской культуры. В среде простого народа, как правило, распространялся средневековый фольклор. Другими словами, это период сосуществования различных духовных ценностей, период сосуществования официальной и народной культуры. В противоборстве традиций и новаций, ценностей и культур протекал процесс согласования идеологии феодальных отношений с духом христианской веры. Этот процесс рождал такие качества человека, как вера, фанатизм, энтузиазм, жертвенность. Религия имела поддержку государственной власти. Служители культа выступали в качестве основных субъектов книжности, грамотности, духовности. Христианство сыграло важную роль в формировании духовных ценностей. В той системе ценностей религиозные ценности выступали в качестве основных, истинных, из которых выводились светские ценности в качестве производных. Описания жития святых играли нравоучительную, воспитательную, наставническую и морализаторскую функции. Образ человека в житиях представлял собой обобщение положительных, прогрессивных черт. Человек был поставлен перед выбором ценностей: между духовными и материальными, вечными и земными, истинными и преходящими. Земная жизнь человека трактуется как подготовка к будущей, истинной жизни. Во всей полноте христианством перед человеком была сформулирована драматическая проблема индивидуально-субъективного выбора. В религиозной системе ценностей в качестве определяющих выступают ценности надсубъективные. Прогресс человека связывается с его стремлением к духовному служению. Внутреннему самосовершенствованию человека способствует стремление к знанию и учению. Они способны приобщить к Богу. Отсюда выводились и другие качества человека – аскетизм и подвижничество. Перечисленные идеалы способствовали формированию и развитию личностного сознания и самосознания.

Белорусские княжества Великому княжеству Литовскому дали письменность, государственный язык, которые в любой культуре выполняют важную роль. Реальные исторические события находили отражение в летописаниях. Белорусское летописание возникло в Полоцке. Как отмечал Д.С. Лихачев, в качестве основных субъектов исторического процесса во времена средневековья выступают не только люди, принадлежащие к элите общества (князья, полководцы, епископы и митрополиты), но и безвестного происхождения: святые отшельники, основатели скитов, подвижники.

В летописях же основное внимание летописца обращается на характеристику индивида как субъекта военно-феодальных действий. Могущество человека в таких условиях часто определялось числом его владений, богатством, военной силой. Отсюда особое место в летописях отводилось верховному владыке, в социальной структуре общества – князю. В летописании переплетались социальная реальность и идеалы, идеи противоборства и порядка. Идея самоутверждения человека часто совпадает с тенденцией становления этнополитической общности. Деяния Ягайлы и Витовта, как свидетельствуют белорусско-литовские рукописи, протекают на фоне мужества и подлости,

смелости и убийств. Утверждение власти князей связано с умениями подчинить чужие земли и народы, с увеличением мощности и силы (без чего невозможно развитие), со стремлением к пространственному расширению. Идеалы, ценности выступали в качестве движущих сил социального и индивидуального развития. Индивидуализм, жажда власти, богатства, стремление к самоутверждению приводили, как правило, к трагическим последствиям. Как замечает А.С. Майхрович, «индивид выступил в качестве определенной суверенно-субъективной единицы, которая сама устанавливает для себя нормы и возможности действия, оказываясь в известном смысле высшей ценностной и регулирующей инстанцией. Безусловно, такое крайне индивидуалистическое установление субъектом норм действия для себя было обусловлено всем комплексом конкретно-исторических обстоятельств, в которых он существовал» [3, с. 92]. Обреченность на борьбу, выбор ценностей и способов, ведущих к успеху и прогрессу, были сопряжены с тем, что неуспех, как правило, лишал князя благ личных и общественных, вел к угрозе личной жизни и бедам его земле, народу, княжеству. Индивидуальный прогресс почти совпадал с общественным. Единство же Великого княжества Литовского обеспечивалось военной силой. Период единства закончился Кревской унией в конце XIV в. После Кревской унии в качестве важных исторических субъектов выступают католическая церковь и польские феодалы.

В XVII–XVIII вв. в духовной культуре Беларуси (в том числе и в философии) происходили процессы аналогичные тем, которые характеризуются и в европейской культуре нового времени. Для этого времени характерно отделение науки от идеологии. В Беларуси же сосуществовали православие, католичество и униатво. Просветительскую деятельность осуществляли монашеские ордена доминиканцев, францисканцев, бенедиканцев, иезуитов, пиаров. Социальное развитие, социальный прогресс постепенно начинают объяснять не в рамках религиозного мировоззрения, а в контексте рационалистической традиции. На белорусский язык переводятся труды античных философов. В воззрениях, например, Зизания, можно уже обнаружить элементы пантеизма и гуманизма. Бог у него – животворящая сила природы. Развитие человека, по Зизанию, возможно только благодаря развитию белорусской культуры, особенно родного языка, научных знаний, образованию, укреплению культурных связей между Беларусью, Россией и Украиной.

Ян Белобоцкий, являясь сторонником теории предопределения, отрицал наличие свободной воли у человека. Согласно его мнению, каждый человек имеет право интерпретировать Священное Писание в соответствии с разумом. Это явный деизм, свидетельствующий о том, что воззрения Белобоцкого близки к позиции известного французского просветителя Вольтера.

С. Полоцкий рассматривал человека как микрокосмос, который не имеет врожденных идей. Ум ребенка – чистая доска, на которой оставляют следы учителя, а также все, что ребенок слышит и видит. Человек от животного отличается разумом. В развитии человека важную роль играют познание, письменность, книги. Согласно С. Полоцкому, судьба человека и общества зависит не от небесных сил, а от человеческой плоти, от темперамента, просвещения. Философия же способствует как врачеванию людей, так и помогает осмыслению прошлого и настоящего. Согласно воззрениям С. Полоцкого, философ – самый богатый человек, ибо мудрость дороже золота. Людей, которые отстаивали невежество и суеверие, С. Полоцкий называл слепцами и совами, которые боятся света. Невежество белорусский мыслитель связывал с отсутствием желания у людей учиться, а знания, не нужные в жизни, называл бесполезными и бесплодными. Знакомство же с историей приносит пользу, ибо этот процесс рассеивает мрак и дарит людям свет, содействует прогрессу. О прошлом людям могут рассказать литература и искусство.

В то время, когда прогресс человека и общества объяснялся с позиции коммунистической идеологии и соответствующих ей идеалов, в истории отечественной философии можно обнаружить отклонения от подобного рода интерпретации социального прогресса. Н.И. Крюковский в книге «Кибернетика и законы красоты» рассуждает о кибернетическом подходе к социальному прогрессу. Идею бесконечного социального прогресса он приписывал философам-метафизикам. Опираясь на мысли Эйнштейна и Лобачевского, которые показали неоднородность пространства и времени, он высказал идею, противостоящую доминировавшей тогда идее бесконечного прогресса. Проецируя спираль развития на плоскость, Н.И. Крюковский получил синусоиду, которая графически отображает более глубокое понимание прогресса. В предложенной модели прогресса вводилось понятие «местный» прогресс. Под последним понимается такое состояние системы, когда происходит выход ее из состояния полной поглощенности более широкой системой, или подмножеством, приобретение системой ступеней самостоятельности. Социальный прогресс рассматривается не как бесконечный. Критика идеи бесконечного прогресса осуществлялась не на идеологическом основании, а на анализе категорий общего и особенного, возможного и действительного, рационального и чувственного. Процесс становления социальной системы рассматривался как процесс стремления к гомеостазису, как процесс снижения энтропии внутри системы за счет повышения энтропии во внешней (более широкой) системе, что приводило последнюю к снижению целостности и организованности. Дальнейшее развитие системы, согласно предложенной теоретической модели, осуществляется через фазу гомеостаза к очередной фазе неуравновешенности, которая характеризуется ростом энтропии и снижением организованности, что приводит систему к упадку. Система начинает терять свою целостность, организованность, самостоятельность. В соответствии с кибернетическим подходом, предложенная модель представляет собой процесс колебания между системой и подсистемами, или, как считал «отец» кибернетики Н. Винер, «рысканием» системы. Осуществив кибернетический подход к социальным системам, Н.И. Крюковский сумел обнаружить общность такого подхода с математическим, который отражает более глубокое понимание взаимодействия и поведения систем. Аналогично О. Ланге с позиции теории систем рассматривал общество как сверхсложную систему. Можно считать, что Н.И. Крюковский один из первых стал рассматривать социальный прогресс в качестве объекта междисциплинарного исследования. Такой подход стал объектом научного интереса в 1997–1998 гг. в Германии и России [1]. Еще раньше Г. Клаус график функции $f(x)=|\sin x|$ рассматривал в качестве модели затухающего противоречия, график функции $f(x)=e\sin x$ как модель обостряющегося противоречия, график обыкновенной синусоиды $f(x)=\sin x$ – в качестве модели устойчивого состояния противоречия. Подход Н.И. Крюковского, согласно которому общественные системы рассматривались сквозь призму кибернетических и математических понятий, углубляет понимание общественного прогресса как в философском и математическом, так и в кибернетическом и культурологическом аспектах. Общественный прогресс (при междисциплинарном его исследовании) предстает как процесс сложных самоорганизующихся систем, в которых можно выделить фазы подъема, расцвета и упадка. «Такие ситуации, если суть их не точно уяснена, представляют обычно большие трудности для решения вопроса о прогрессе. С одной стороны, наблюдается вроде бы движение вперед, с другой – явственен и регресс» [2, с. 186]. Предложенная теоретическая модель реального исторического процесса объясняет не только общественное, но и индивидуальное развитие, так как каждый человек проходит в своей жизни фазы молодости, зрелости, старости, которые протекают на фоне различных фаз общественного развития. Н.И. Крюковский с оговоркой на абстрактность и приближенность высказывает идею, что корни такого подхода можно обнаружить у неопифагорейца Цейзинга и

швейцарца Денереа, у Пифагора, который рассматривал мир как гармонию звучащих сфер, анализируя прогресс с точки зрения циклического развития применительно не только к социальным системам, но и ко вселенной в целом. Признавая асимметричность времени и недостаточность знаний о закономерностях вселенной, Н.И. Крюковский заявляет, что неизвестно, на каком участке кривой развития находится вселенная. Выступая против теории энтропийной смерти вселенной и используя понятия «порядок» и «хаос», процесс нарастания энтропии ученый рассматривает как процесс, выражающий путь от хаоса к порядку, как процесс перерастания случайности в закономерность. Такое объяснение развития вселенной не противоречит теории нестационарной вселенной Фридмана.

Иерархичность в развитии всего материального мира и мира социального мира предстает как результат взаимодействия систем и подсистем. Рассматриваемый подход не противоречит как теории систем Л. Берталани, так физической и математической его интерпретации Г. Клаусом. Философия из независимой и самостоятельной науки перерастает в методологию конкретных наук.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что многие философские и культурологические идеи носят вневременной характер. Иное дело – как они воспроизводятся и понимаются нашими современниками.

Постметафизическая философия отказывается от претензий в рамках понятийного пространства построения единой концептуальной картины мира. Постметафизическое мышление направлено против логоцентризма классической философии и культуры. Постметафизическая философия фактически солидаризируется с пониманием детерминизма представителями синергетики (И. Пригожин, И. Стенгерс), которые ратуют за нелинейную интерпретацию социального времени. В культуре постмодерна фактически признается «запрет на метафизику» (Б. Мак Хал), отказ от «эпохи смысла» (Деррида), пропандируется такое философское знание, которое имеет отношение не к общему, а единичному (Ж. Делез). Согласно позициям представителей рассматриваемого течения все многообразие исторического и культурного богатства постсовременный человек воспроизводит (создает) по своему усмотрению. В этом отношении постмодернизм можно характеризовать как направление, которое отказывается от любых дихотомических делений в пользу множественности. Новый тип мировоззрения признает одновременное сосуществование различных течений и доктрин, культур, имеющих свою собственную ценность, уникальность и неповторимость. Представители постмодернизма отрицают общественный прогресс, так как они отстаивали ризоморфичность исторического (социального) времени. Делез выводил плюралистичность социального времени из существования различных эонов. Эоны сопоставляются с плато Ризомы, с конкретными версиями текстовой семантики. Эон, то есть век, в интерпретации Делеза обладает характеристиками нейтрального хронологического отрезка времени, который наполнен конкретно-определенными событиями.

Автор же данной работы, в отличие от постмодернистов, аргументирует позицию, что плюрализм (нелинейность) социального прогресса можно объяснить одновременным сосуществованием различных индивидуальных и коллективных субъектов, которые ставят перед собой неодинаковые цели, преследуют разные интересы. Они (субъекты) в любой социальной системе осуществляют неодинаковую деятельность. Какую бы общую структуру в их деятельности не выделяли структуралисты, постструктуралисты, культурологи, социологи, социальные философы, при всей общности – они (реальные исторические субъекты) идут к своему успеху, прогрессу разными путями. Результаты взаимодействия индивидуальных и коллективных субъектов образуют тот социокультурный феномен, который можно назвать «социальным пространством-временем». Соответственно, при таком подходе в рамках любой социокультурной

системы можно обнаружить плюрализм (нелинейность) социального пространства-времени, который объясняется разными социально-демографическими, функциональными, политическими и другими характеристиками.

Введение понятия «социальное пространство-время» в категориальный аппарат исследования способствует преодолению разделения культур, так как рассмотрение представителями гуманитарных наук процесса познания во времени не позволяет сциентистски ориентированным естествоиспытателям отказать гуманитаристике в статусе строгой науки. Представители же постмодернизма, отказавшись от линейности социального прогресса, от линейности времени, ход истории рассматривали не как необратимое движение из прошлого через настоящее в будущее. Само понятие «социальный прогресс» они выводили за границы культурной легитимности, ибо всякую идеологию объявляли «ложным сознанием».

Таким образом, постмодернистское мировоззрение отрицает такие основополагающие понятия классической философии, как разум, абсолют, истина, противоречия и др. Поэтому, очевидно, можно говорить и о том, что постмодернисты, как и неопозитивисты, выступают против метафизических проблем. Постмодернисты по-своему выразили специфику нового, зарождающегося информационного общества. Но это не означает, что человек постиндустриального общества должен отказаться от разума, истины и других категорий классической философии. Наоборот, информационное общество требует сохранения национальной идентичности, самоидентификации личности в условиях глобализации. Кроме того, постмодернисты, аргументируя позицию плюрализма, отказа от иерархичности, признают порядки своих стран, где, наоборот, отстаиваются идеи иерархичности, свои национальные и культурные интересы. Мы имеем дело с созданием такой теории, при помощи которой можно манипулировать сознанием окружающих. Хотя, бесспорно, в философии постмодерна нашли отражение и реальные характеристики нарождающегося постиндустриального общества. В этом спорность, неоднозначность мировоззрения постмодернизма.

Постмодернисты почти не уделяют внимания проблемам бытия, Космоса. Вместе с тем, например, Ж. Делез и Ф. Гваттари, рассматривая такое явление культуры, как книга, заявляют, что книга подражает миру, отражает мир как искусство. Но книга, как духовная реальность, отталкиваясь от природной реальности, раздваивается, учетверяется и т.д. Исходя из аналогичных рассуждений, они разработали понятие ризомы, которое связывает одну какую-нибудь точку с какой-нибудь другой линией того же типа, она использует самые различные знаковые и незнаковые образования. Ризома не сводится ни к единому, ни к множественному. Она состоит не из единств, а из измерений, точнее, из движущихся линий. У нее нет ни начала, ни конца, только середина, из которой она растет и выходит за ее пределы. Она образует многомерные множества без субъекта и объекта.

Постмодернизм как своеобразное мировоззрение по-новому объясняет (понимает) человека, общество и культуру. Необходимо отметить следующее:

1. Объяснение нелинейности социального прогресса детерминировано эволюцией понимания места философии в системе культуры: от универсализма и субстанционализма к уникальности определенных сфер человеческого бытия и неповторимости субъектов социокультурной деятельности.

2. Мыслители, которые в объяснении уникальности социокультурного бытия прибегали к понятию «время» (К. Ясперс, М. Хайдеггер, Э. Гуссерль, Ж.П. Сартр, представители синергетики и постмодернизма), понимали сущность «времени» по-разному. У М. Хайдеггера «Dasein» означает единство экзистенциальности, фактичности и бытия при внутримировом сущем. Феноменологическая деструкция времени, предпринятая им, объясняется отказом от трансцендентального понимания времени, что ведет к трактовке

онтологических проблем через настоящее время. Деструкция немецкого мыслителя состояла из редукции (возвращении от сущего к бытию), конструкции бытия и деструкции традиции. Э. Гуссерль время отождествлял с потоком сознания с последовательной сменой фаз: «теперь» – интенцией в прошлое – «ретенции» и в будущее – «протенции».

3. Нелинейность социального прогресса можно объяснить и тем, что космические явления по-разному влияют на субъектов исторического процесса. Одинаковые условия среды оказывают неодинаковые воздействия на субъектов с различными интеллектуальными, физическими, демографическими, психологическими и другими характеристиками.

4. Представители как неклассической и постнеклассической философии, так и некоторые великие преобразователи естествознания своими методами аргументировали нелинейность социального прогресса. Если представители неклассической и постнеклассической философии в своем творчестве отразили изменение прежде всего мировоззренческих ориентаций под влиянием многих факторов, то представители естествознания содействовали прогрессу в первую очередь научных знаний.

5. Автор статьи, в отличие, например, от Делеза, который использовал понятие «плюралистичность социального времени», считает, что нелинейность социального времени можно объяснить одновременным сосуществованием индивидуальных и коллективных субъектов с разными интересами, интенциями, положениями в социальной структуре общества. Названный подход ближе к позициям А.Ф. Аскина, В.С. Гогта, А.Я. Гуревича, В.И. Свидерского. В.Г. Кузнецова и особенно Н.Н. Трубникова и А.И. Осипова. Последний показал принципиальное отличие человеческой реальности (социально-исторического бытия человека) от физической реальности, раскрыл статус и функции пространства и времени как категорий культуры.

6. Рост числа людей, занятых научным творчеством, совершенствующиеся средства массовой информации ставят перед научным сообществом следующие задачи:

- а) необходимость знания истории «своей» научной дисциплины;
- б) важность быстрого распространения в средствах массовой информации новейших научных достижений. Выполнение этого требования предостерегает ученых от «изобретения велосипедов»;
- в) необходимость более частых встреч ученых на научных конференциях и симпозиумах для обмена новейшей информацией;
- г) понимание логики научных открытий (как элемента социокультурного прогресса), которая подтверждает то, что новое, продуктивное знание в научном творчестве нельзя вывести из предшествующих открытий, то есть новое в науке носит нелинейный характер.

7. Представленный в статье материал свидетельствует о том, что в основе нелинейного понимания и истолкования прогресса может выступать социальное пространство-время, создаваемое сознательным или бессознательным участием многих личностей в разных формах деятельности. Личность и большие социальные группы, то есть индивидуальные и коллективные субъекты, не могут быть одновременно субъектами деятельности во всех сферах. Современные средства массовой информации делают их свидетелями, но далеко не всех авторами новейших научных и социокультурных процессов. Поэтому категория «социальное пространство-время» может носить как универсальный, так и локальный характер, ибо является сложным, противоречивым единством конечного и вечного. Конечность существования конкретных индивидуальных субъектов способна приобретать социальное бессмертие (вечность) благодаря такой деятельности, которая оставляет после себя «эталонные» творчества, являющиеся единством субстанционального и реляционного «социального пространства-времени». Такое понимание «социального пространства-времени» отличается от функционального [4, с. 128–141] и субстанционального [5, с. 25–38]

подходов, которые можно обнаружить в новейших публикациях по анализируемой проблеме. Если в функциональной концепции времени наблюдается отказ от признания субстанциональности «социального времени», то В.А. Поликарпов, отстаивая субстанциональную концепцию времени сквозь призму психологии, реляционную концепцию пространства-времени объявляет интеллектуальной интуицией, так как время – генератор конечного и вместе с тем созидатель и высший властелин созданного им Мира, то есть Носитель Вечности, отрицающей Время.

В отличие от Т.П. Лолоева и В.А. Поликарпова, на наш взгляд, категория «социальное пространство-время» выражает как целеполагающую деятельность людей, так и результаты их деятельности, помогающие индивидуальным и коллективным субъектам формировать индивидуальное и социальное пространство-время, защищающее личность от нежелательных на неё воздействий.

Заключение

Представленный в статье материал свидетельствует о том, что в философской культуре Беларуси эпохи средневековья доминировали вневременные, трансцендентальные ценности и идеалы. Похожие процессы происходили и в духовной жизни Европы. На понимание проблемы духовности ощутимо влияние идей и традиций Древней Греции и Византии. В истории национальной философии и культуры роль вневременных ценностей обосновывали Я. Белобоцкий, А. Майхрович, С. Полоцкий. Независимо от современных ему западных мыслителей Н. Крюковский отказался от поиска трансцендентальных, вневременных причин, оказывающих влияние на все сферы реальности. Поиск духовной идентичности в истории отечественной философии свидетельствует об обращении исследователей к идеям христианства, к официальной и народной культуре, к родному языку, к разуму, образованию, просвещению, воспитанию, к идеям социального и научного прогресса как элементам духовности человека и общества.

Хотелось бы особо отметить, что возникшие дискуссии в отечественной и западной философии по проблеме времени, в частности социального пространства-времени отражают:

- 1) тревожные симптомы в духовной жизни западного и постсоветского общества;
- 2) возрастающую роль личности как субъекта творчества во всех сферах человеческой деятельности. Этот процесс лишает определенные социальные группы той целостности, которая была до возникновения информационного общества и процессов глобализации;

- 3) возрастающую роль информации и информационных услуг, за которыми часто не успевают экономика, политика, образование, культура. Спасти общество как целостную систему от нежелательных последствий научно-технического прогресса может только сознательное обращение субъектов исторического процесса XXI века (индивидуальных и коллективных) к признанию примата духовных ценностей, к диалогу между лидерами религиозных конфессий, партий, государств, общественных организаций. Отсюда следует возрастающая роль в жизни человека и общества международного права. Духовные ценности носят вневременной характер. Они возвышают людей, которые в свой жизни имеют относительно небольшой запас времени для сознательной деятельности, разный личный опыт и цели. Вместе с тем, духовность – это единство вневременных ценностей, на которые ориентируются конкретные люди в определенных условиях, единство вечного и преходящего. Речь идет не только о религиозных ценностях, разделяя которые или создавая их, люди способны приобрести социальное бессмертие.

Современному пониманию диалектики вечного и преходящего в отечественной и западной философии может способствовать понимание проблемы «ускользающего

сейчас». С точки зрения нейрофизиологии, «сейчас» длится от 0,033 до 0,1 секунды, с точки зрения психологии восприятия – 1–2 секунды. За 1–2 секунды человек уже может достичь единства перцептивного, ментального, двигательного и речевого актов [6, с. 84], но этого времени не достаточно для развертывания функций памяти и воображения и нет возможности отличить от настоящего даже ближайшее прошлое и непосредственно предстоящее будущее. Отрезок времени когнитивного «сейчас» составляет около 10 секунд, в пределах которого человек способен осуществлять рефлексивные акты, позволяющие отделять «сейчас» от только что ушедшего времени и предвидеть несуществующее будущее.

Проблема «вечного и временного» в философии является не чем иным, как стремлением человеческого духа при помощи абстрактного мышления выразить «ускользающее сейчас». В этом отношении язык философии выступает в качестве универсальной способности творческих личностей выразить наличие вечного в преходящем через создание таких образцов деятельности, которые обеспечивают вечность их творцам, которые становятся духовными ценностями и носят вневременной характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Князев, Е.Н. Сложные системы и нелинейная динамика в природе и обществе / Е.Н. Князев / Вопросы философии. – 1998. – № 4. – С. 138–144.
2. Крюковский, Н.И. Кибернетика и законы красоты / Н.И. Крюковский. – Минск : Изд-во БГУ, 1997.
3. Майхрович, А.С. Поиск истинного бытия. Из истории философии и культуры Беларуси / А.С. Майхрович – Минск : Наука и техника, 1992.
4. Лолоев, Т.П. Время и вечность в философии и истории // Философия и общество / Т.П. Лолоев – 2007. – № 2.
5. Поликарпов, В.А. Структуры времени (субстанциональная концепция времени сквозь призму психологии) / В.А. Поликарпов. // Философия и социальные науки. – 2007. – № 1–2.
6. Алюшин, А.Л. Наблюдение и собственная темпоральная структура реальности / А.Л. Алюшин, Е.Н. Князев. // Вопросы философии. – 2007. – № 12. – С. 84.

Trambitskij V.V. Eternal and Current in Native and Western Philosophy

The article is dedicated to the problem of “eternal and current” in native and modern western philosophy. There are the names of native philosophers who made valuable contribution to this problem: N.I. Krukovskij, A.S. Majhrovich; find modern western philosophers – I. Prigozhin, I. Stenders, Derrida, G. Dells, K. Yaspers, M. Heidegger, J.P. Sartre. In the article we also can find the author’s view on the problem of “eternal and current” in native and modern western philosophy.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 07.07.09